

О Мария, без первородного греха зачатая!

Моли Бога о нас, к Тебе прибегающих.

Аминь.

Посвящение

Начиная свое паломничество, я думал, что вот — исполняется одно из самых заветных мечтаний моей юности. Ты был для меня магом доном Хуаном, и в поисках Чудесного я прожил въяве сагу Кастанеды.

Однако ты отчаянно сопротивлялся всем моим попыткам сделать тебя героем. Это сильно осложняло наши отношения, покуда я не осознал, что Чудесное обитает на Пути Обычных Людей. Сегодня это осознание стало одним из самых драгоценных моих достояний. Оно позволяет мне сделать все что угодно. Оно пребудет со мной до конца.

И потому, в благодарность за это понимание — которым я сейчас хочу поделиться с другими людьми, — эта книга посвящается тебе, Петрус.

Автор

КАНТАБРИЙСКОЕ МОРЕ

ФРАНЦИЯ

Пье-де-Пор

Эстелья

Ронсеваль

Памплона

Пуэнте-де-ла-Рейна

Дэгроньо

Барселона

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

*Они сказали: Господи! Вот, здесь два
меча. Он сказал им: довольно.*

Евангелие от Луки 22: 38

Пролог

— **А** теперь, перед священным ликом *RAM*, ты должен прикоснуться к Слову Жизни и обрести силу, которая потребуется тебе, чтобы стать свидетелем Его.

Наставник поднял ввысь мой новый меч в ножах. Хворост затрещал в пламени костра — доброе предзнаменование: стало быть, таинство должно быть продолжено. Наклонившись, я голыми руками принялся рыть землю перед собой.

Дело было в ночь на 2 января 1986 года, и мы находились на одной из вершин горной гряды, известной под названием Агульяс Неграс (Черные Иглы). Помимо меня и Наставника присутствовали: моя жена, мой ученик, проводник из местных жителей и представитель крупнейшей конгрегации, объединяющей эзотерические ордены всего мира и именуемой «Традиция». Все пятеро — включая проводника, которого заранее предупредили о том, что должно произойти, — собрались на церемонию посвящения меня в сан Мастера Ордена *RAM*.

И вот я выкопал неглубокую, но довольно длинную яму. И с сознанием важности этого момента прикоснулся к земле, произнеся ритуальную формулу. Приблизившись, жена вручила мне меч, которым я пользовался на протяжении десяти лет при совершении сотен магических действий. Я уложил меч в яму, засыпал землей, заровнял, вспоминая тем временем о пройденных мною испытаниях, о том, что познал, и о тех сверхъестественных явлениях, которые научился вызывать с помощью своего старого верного меча. Теперь он будет пожран землей — железо клинка и дерево рукояти накормят собой тот источник, откуда черпали они свою силу.

Наставник подошел ко мне, положил наземь новый меч — как раз поверх того места, где был погребен старый. Все присутствующие широко раскинули руки, и по воле Наставника возник вокруг нас странный, ничего не освещающий, но явственно видимый свет, и теперь, помимо желтоватых бликов костра, наши фигуры озарились как-то по-иному. Обнажив свой собственный меч, он прикоснулся к моему лбу, поочередно — к каждому плечу и сказал так:

— Могуществом и любовью RAM назначаю тебя отныне и до конца дней твоих Мастером и Рыцарем ордена. R — *regnum*, A — *agnus*, M — *mundi**. Взяв этот

---

* *Regnum* — царствие; *agnus* — агнец; *mundi* — мир (*лат.*).

меч, не давай ему залеживаться в ножнах, ибо оружие ржавеет в бездействии. Но, обнажив его, не вкладывай назад, не совершив доброго деяния, не проторив пути, не дав ему напиться крови врага.

И кончиком меча он легонько кольнул меня в лоб. С этой минуты я не должен был больше хранить молчание. Не обязан скрывать то, на что способен. Мог не таить от окружающих свое новообретенное умение совершать чудеса. С этой минуты я стал магом.

И я протянул руку к новому мечу — сталь его клинка не выщербится вовек, черное и красное дерево его рукояти никогда не поглотит земля, — к новому мечу в черных ножнах. Но в тот самый миг, когда мои пальцы прикоснулись к ним, Наставник вдруг сделал шаг вперед и с размаху наступил ногой на мою руку так, что я, вскрикнув от боли, выпустил меч.

Я смотрел на него непонимающе. Станный свет исчез, и в отблесках костра лицо Наставника приобрело фантазмагорические очертания.

Окинув меня ледяным взглядом, он подозвал мою жену и ей вручил новый меч. Потом обернулся ко мне:

— Убери свою руку — она обманула тебя! Путь Традиции — это путь не для горстки избранных, но для всех! Ты мнишь, что обладаешь могуществом, но оно не стоит ни гроша, ибо не разделено с другими людьми. Ты обязан был отказаться от меча,

и в этом случае он стал бы твоим по праву, ибо ты остался бы чист душой. Но, как я и опасался, в решающий миг ты оступился и упал. И в наказание за свою алчность ты должен будешь вновь пуститься на поиски своего меча. А в наказание за гордыню — искать его будешь среди обычных людей. А в наказание за страсть к чудотворству тебе придется одолеть множество препятствий, совладать со множеством трудностей, прежде чем вновь обретешь то, что едва не досталось тебе просто так.

Мне почудилось — земля уходит у меня из-под ног. Я по-прежнему стоял на коленях, потеряв дар речи и не желая ни о чем думать. Мой старый меч покоился в земле, и воспользоваться им теперь было уже нельзя. А не вооружась новым, я вернулся к самому истоку, превратись в этот миг в самого обыкновенного человека — беззащитного и бессильного. В день моего торжества, в час посвящения Наставник, наступив мне на руку, отшвырнул меня назад — в мир Ненависти, в мир земли.

Проводник загасил костер. Жена помогла мне подняться. В руке у нее был мой новый меч, но, по законам ордена, я не имел права дотронуться до него без разрешения Наставника. Молча следуя за фонарем проводника, мы прошли по лесу, спустились на узкую грунтовую дорогу, где были оставлены машины.

Никто не простился со мной. Жена положила меч в багажник, включила зажигание. Покуда она медленно объезжала колдобины и выбоины, мы молчали.

— Успокойся, — сказала она, стараясь приободрить меня. — Уверена, что ты получишь его. Я спросил, что сказал ей Наставник.

— Три вещи. Во-первых, что надо было потеплее одеться — наверху оказалось холодней, чем он ожидал. Во-вторых, что все произошедшее его несколько не удивляет: подобное уже случалось со многими людьми, оказавшимися там же, где и ты. И в-третьих, что твой меч будет ждать тебя в определенный час, в определенный день, в определенной точке того пути, который тебе придется одолеть. Я не знаю, что это будет за день и час. Он назвал мне лишь место, где я должна буду спрятать меч для того, чтобы ты нашел его.

— А что это за путь? — нервно спросил я.

— Он толком не объяснил. Сказал только, чтобы ты нашел на карте Испании старинную средневековую дорогу, которая называется Путь Сантьяго.

Прибытие

В аэропорту Бахадас таможенник довольно долго рассматривал меч, а потом спросил, что мы намерены с ним делать. «Ничего особенного, — отвечал я. — Друзья обещали оценить его, а мы выставим на аукцион». Ложь помогла: таможенник посоветовал внести меч в декларацию и предъявить ее, если на обратном пути возникнут сложности.

Подойдя к стойке компании, дающей автомобили напрокат, мы подтвердили наш заказ на две машины. Прежде чем разъехаться в разные стороны, решили перекусить в ресторане.

Ночью мы не сомкнули глаз — сказывался страх перелета, томило предчувствие того, что ожидало нас, когда приземлимся, — но теперь оба мы были взбудоражены: сна — ни в одном глазу.

— Успокойся, — в тысячный раз повторила жена. — Ты едешь во Францию: там в Сен-Жан-Пьед-е-Пор разыщешь мадам Дебриль. А уж она найдет тех, кто проведет тебя по Пути Сантьяго.

— ...А ты? — в тысячный раз спросил я, заранее зная ответ.

— А я поеду туда, куда должна поехать, и сделаю то, что было мне поручено. Потом проведу несколько дней в Мадриде и вернусь в Бразилию. С тамошними делами справлюсь без тебя и не хуже тебя.

— Не сомневаюсь, — ответил я, не желая развивать эту тему.

Однако мне не давали покоя дела в Бразилии. Уже через две недели после происшествия в Агульяс Неграс я досконально знал все, что касалось Пути Сантьяго, но потребовалось целых семь месяцев, прежде чем я решился все бросить и отправиться в дорогу. Я тянул и откладывал до тех пор, пока однажды утром жена не сказала мне: сроки истекают; не приму решение — вполне могу позабыть о Традиции и ордене RAM. Я попытался было объяснить ей, что Наставник дал мне невыполнимое поручение и что я не могу так просто, за здорово живешь, отринуть весь мой прежний житейский уклад. Жена улыбнулась в ответ и сказала, что это — вздор и пустые отговорки, все эти семь месяцев я только и делал, что спрашивал себя, ехать мне или нет. А потом так, словно в этом не было ничего особенного, достала два авиабилета с уже назначенной датой вылета.

— Мы здесь потому, что это ты так решила, — мрачно говорил я теперь, сидя за столиком ресторана. — И я не уверен, что поступил верно, позволив другому человеку принять за меня решение отправиться на поиски меча.

Жена сказала, что, чем нести чушь, лучше уж сразу нам распрощаться — сесть по машинам и разъехаться.

— Никогда в жизни ты никому не позволил бы решать за себя, тем более — в таком важном деле. Идем. Уже поздно. — Она поднялась, перекинула через плечо ремень сумки и направилась на стоянку.

Я не удерживал ее — сидел за столом, глядя, как небрежно несет она под мышкой мой меч: вот-вот выскользнет. Жена вдруг остановилась, вернулась к столику, звонко чмокнула меня. И от этого поцелуя меня вдруг осенило: я — в Испании, и назад пути нет. Да, конечно, конечно, все может кончиться ужасающим провалом, но первый шаг сделан. И я обнял жену, вложив в это объятие всю свою любовь, и помолился за все, во что верил, и за всех, кому верил, и попросил небеса даровать мне силы вернуться с нею и с мечом.

— Красивый какой меч, правда? — донесся до меня женский голос из-за соседнего столика.

— Да ладно тебе, — отозвался мужской голос. —
Куплю тебе точно такой же. В здешних сувенирных
лавках их полно.

Час за рулем — и дали себя знать усталость и бес-
сонная ночь. И, кроме того, августовский зной так
раскалил воздух, что машина, хоть и летела по сво-
бодному шоссе, начала перегреваться. Я решил оста-
новиться ненадолго в маленьком городке: дорож-
ные указатели сообщали, что это — национальный
памятник. И, поднимаясь по склону пологого холма,
еще раз перебрал в памяти все, что было мне из-
вестно о Пути Сантьяго.

Подобно тому как мусульманская традиция тре-
бует, чтобы всякий правоверный хотя бы раз в жиз-
ни прошел вослед пророку Магомету в Мекку и Ме-
дину, первое тысячелетие христианства знало три
пути, почитаемых священными и сулящих Божье
благословение и искупление грехов каждому, кто
пройдет по ним. Первый путь — к гробнице святого
Петра в Риме: идущие по нему избрали себе в каче-
стве символа крест и назывались ромейро. Вто-
рой — ко Гробу Господню в Иерусалиме; идущие
этой дорогой именовались палмейро в память паль-
мовых ветвей, которыми жители города приветст-
вовали появление Иисуса. И наконец, третий путь
вел к бранным останкам святого Иакова — по-наше-
му Сантьяго, — захороненным на Иберийском по-

луострове в том месте, где однажды ночью некий пастух увидел, как сияет над полем яркая звезда. Предание гласит, что не только Сантьяго, но и сама Пречистая Дева сразу после смерти Спасителя пребывала в тамошних краях, неся жителям слово Божье и обращая их. Местечко это получило название Компостела — в имени этом соединились слова «кампо», то есть поле, и «эстрела», что значит звезда, — и вскоре превратилось в городок, куда со всех концов христианского мира будут стекаться богомольцы — их называли пилигримы, а символом своим сделали они раковину.

В эпоху наивысшего расцвета, пришедшуюся на XIV век, по Млечному Пути (по ночам служившему паломникам ориентиром) ежегодно шли больше миллиона человек из всех уголков Европы. И в наши дни мистики, верующие, ученые пешком преодолевают семьсот километров, которые отделяют французский городок Сен-Жан-Пье-де-Пор от собора св. Иакова Компостельского в Испании*. Благодаря французскому священнику Эме-

---

* Путь Сантьяго, проходящий по территории Франции, состоит из нескольких дорог, сходящихся воедино в испанском городе Пуэнте-де-ла-Рейна. Город Сен-Жан-Пье-де-Пор стоит на одной из этих дорог — не единственной и не самой оживленной.